

ОБ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Нормуродов Ишанкул

Преподаватель, Термезский Государственный Университет

Аннотация: В сборнике «Проблемы учебника русского языка как иностранного» П. А. Лекант высказал мнение о том, что достижения в области изучения синтаксической синонимии русского языка пока еще «являются весьма скромными» и что «систематическая исследовательская работа в этой области не ведется» [1, с. 187], ссылаясь при этом на статью Л. Ю. Максимова [2]. Соглашаясь с высказыванием

Ключевые слова: мнение, изучение, разделение, позволяет

Annotation: In the collection "Problems of the textbook of Russian as a foreign language" PA Lekant expressed the opinion that achievements in the field of studying the syntactic synonymy of the Russian language are still "very modest" and that "systematic research work in this area is not being conducted" [1, with. 187], referring to the article by L. Yu. Maksimov [2]. Agreeing with the statement

Keywords: opinion, study, division, allows

П. А. Леканта, что «изучение синтаксической синонимии позволяет глубже познать сущность синтаксической системы русского языка, а без умения пользоваться синтаксическими синонимами немислимо практическое освоение русской речи» [1, с. 187], мы все же не склонны разделять скромность автора. Ведь еще в 1963 г. Д.-С. Ворт писал о советском языкознании: «Изучение синтаксических синонимов, т. е. конструкций, соотносительных по форме и тождественных или близких к тождественным по содержанию, отнюдь не было новым в последнее десятилетие» [3, с. 35]. На наш взгляд, мнению П. А. Леканта, приведенному в начале статьи, противоречит его же утверждение о том, что уже «накоплен большой исследовательский материал», в связи с чем «изучение синтаксической синонимии — это одна из самых актуальных задач

сейчас...» [1, с. 198]. В самом деле, опубликованные еще в 1966 и 1972 гг. библиографические сборники по синонимике русского языка [4, 5] свидетельствуют о том, что вопросам грамматической синонимии в русистике было уделено больше внимания, чем в изучении других языков [6, 7]. Следует признать, что большинство работ по рассматриваемой теме применительно к русскому языку до 1972 г., а также в последующие годы освещали вопросы лексической синонимии, однако немалая их часть была посвящена проблемам синтаксической синонимии в рамках словосочетаний, а также простого и сложного предложений [1, с. 199 и сл.]. Имеющиеся работы разных авторов, к сожалению, не дают полного представления о количестве относящихся к этой теме исследований². Следует подчеркнуть, что дальнейшей разработке идеи функциональной грамматической стилистики содействовала деятельность МАПРЯЛ [ср. 9, с. 117], ориентирующая на широкое изучение проблемы синонимических возможностей языка [10]. Правда, заголовки многих опубликованных в последнее время работ не всегда позволяют относить их к рассматриваемой тематике. Часто примеры синтаксической синонимии скрываются в статьях, посвященных вопросам сочетаемости (валентности) слов, типологического описания или сопоставительного анализа синтаксических единиц разных языков[^]. В последнее время явления синонимии все чаще рассматриваются в работах под названием «функционально-семантическая категория» [11, с. 12]; известны и другие названия, как, например, «семантико-конструктивные типы предложения» [12, с. 70] или просто «вариативные языковые средства» [13, с. 35]. Последнее, на мой взгляд, соответствует в определенной мере требованию П. А. Леканта на данном этапе «избегать категоричности»: «Жесткие ограничения и запреты („это не синонимы” и т.д.) сейчас не принесли бы пользы» [1, с. 188]. В самом деле, обзор литературы показывает, что и сегодня нет единого взгляда ни на сущность, ни на границы синтаксической синонимии. Для этой области учения о русском языке до сих пор характерно высказывание Г. А. Золотовой: «Вопрос о том, что считать критерием синтаксической синонимичности — смысловую

или конструктивную общность, решался с переменным успехом в пользу то одного, то другого из этих критериев» [14, с. 180]. В этом легко убедиться, сравнивая «основания» синтаксической синонимии у П. А. Леканта — а) тождество содержания, б) тождество лексического состава, в) тождество (близость) основного грамматического значения, г) различие показателей этого значения [1, с. 188) — и постулат Э. Л. Хлюпиной: «Синтаксическая синонимия, являющаяся составной частью грамматической синонимии, должна быть одноаспектной, т. е. иметь дело с грамматическими формами (или структурами) и их значениями. При другом подходе к исследованию грамматических синонимов — не от грамматического значения синтаксических единиц, а от содержания мысли, которое может быть передано различными языковыми средствами, — нередко смешиваются разноаспектные явления, теряется разница не только между морфологическими и синтаксическими, но даже между грамматическими и лексическими синонимами» [1, с. 205]. Думается, что и на этот вопрос можно найти ответ в работе Г. А. Золотовой: «Проблема синтаксической синонимии исчезает, если отвлечься от смысловой общности сопоставляемых конструкций» [14, с. 180]. Наше понимание синонимии как средства выразительности (богатства) в языке требует, конечно, учета содержания и формы синонимов на всех уровнях, т. е. и чисто синтаксическая синонимия предполагает общность смысло-понятийной соотнесенности с отражаемой ситуацией действительности. С полным правом П. А. Лекант указывает на то, что передача тождественной ситуации «разными способами» еще не является достаточным основанием для включения предложений, как, например. Всадник едет на лошади. — Лошадь везет всадника в ряд (чисто) синтаксической синонимии, поскольку в данном случае нет тождества лексического состава. Точно так же и на основе общности только лексического состава предложений не образуется синтаксический ряд. если в них не отражена тождественная ситуация действительности. Так, например, приведенная П. А. Лекантом трехкомпонентная модель простого предложения русского языка типа Течение унесло лодку образует синонимическую пару с

безличным односоставным предложением: Течение унесло лодку. — Течением унесло лодку. Двусоставное предложение Вода залила луга, например, синонимично с безличным односоставным предложением Луга залило водой, а также с возвратной конструкцией Луга залились водой, между тем как страдательный оборот Луга были залиты водой более соответствует данной в неопределенно-личном предложении Луга залили водой ситуации, где имеется конкретный деятель, но он не обозначен, представляется как неопределенный. Таким образом, оба предложения образуют другой синонимический ряд. Сравните и возможные интерпретации следующих примеров Д. Ворта: Автомобиль переехал отца — Отца переехали автомобилем — Отца переехало автомобилем [15], где о стихийности, наверно, можно говорить только в отношении безличного односоставного предложения [16]. См. также «Русская грамматика», где говорится о «формально-семантическом соотношении» [17, с. 130]. Следует отметить, что расширение лексического спектра выступающих в безличном предложении существительных в творительном падеже, т. е. привлечение технических сил, конкретных предметов или приборов и т. п. (электричеством, током, автомобилем, молотилкой), вызвано необходимостью точно определить действие как стихийное, независимое от человека, который сидит за рулем, управляет техническим устройством и т. д. [18, с. 174 и сл.]. Можно считать, что приведенные П. А. Лекантом примеры синтаксической синонимии разных типов дают представление о синонимических отношениях в рамках простого предложения русского языка. И он прав, указывая на то, что «нет систематического изложения вопросов синтаксической синонимии в общих курсах синтаксиса и стилистики» и что эти вопросы также в практике преподавания русского языка «имеют случайный, эпизодический, отрывочный характер» [1, с. 187]. Однако, как и подчеркивает П. А. Лекант, «не приходится говорить о том, что любое предложение какого-либо типа имеет соответствующий синоним другого типа» [1, с. 192]. При рассмотрении синонимии обычно заявляют, что говорящий в процессе речи совершает выбор одной из ряда синонимических конструкций, наиболее расположенной

для выражения смысла в данной ситуации, руководствуясь «знанием (обычно — интуитивным) тонких, подчас едва уловимых семантических различий между ними» [19, с. 181]. И, кроме того, все это требует учета уровня владения иностранным языком. В самом деле, какую пользу приносит, например, требование в учебнике для начинающих преобразовать конструкцию Он сказал, что брат принес ему книгу?у в конструкцию Он сказал, чтобы брат принес ему книгу или конструкцию Я боюсь, что он опоздает в конструкцию Я боюсь, чтобы он не опоздал без указания на то, существует ли разница в значении предложений или нет. Так я и понимаю высказывание В. Г. Костомарова на V конгрессе МАПРЯЛ: «Как бы ни решался вопрос о теоретическом обобщении, о грамматико-лексическом знании, пользование языком возможно именно тогда, когда достоянием учащегося становятся отдельные (четко или менее четко связанные его сознанием в систему) формы, слова, словосочетания, непосредственно и органично связанные, однако, с фрагментом действительности, ими обслуживаемым и важным для коммуникативных нужд учащихся» [21, с. 17].

Литература

- 1, Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. Составитель В. И. Красных. — М., 1980;
- 2 Максимов Л. Ю. О грамматической синонимии в современном русском языке. — Русский язык в национальной школе. 1966, № 2 ;
- 3 Worth D.—S. Current trends in linguistics, 1 Soviet and East European Linguistics. — The Hague, 1963;
- 4 Геккер С. Ф. Библиография по синонимике русского языка. Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.—Л., 1966;